

УДК 343.43

С. А. Филиппов, канд. психол. наук, доцент, подполковник юстиции
Национальная академия Государственной пограничной службы Украины
Кафедра уголовного права и процесса
ул. Шевченко, 46, Хмельницкий, 29003, Украина

ОБЫВАТЕЛЬ И ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

В статье приведены результаты исследования социальных условий трансграничной преступности. В частности: показана роль обывателя в возникновении и развитии криминогенных процессов в пограничном пространстве и обратное влияние на него этих процессов; взаимосвязь криминального общественного сознания и преступности; влияние средств массовой информации на формирование общественного мнения по поводу трансграничной преступности. Сделаны выводы о том, что значимым фактором общественного сознания в Украине применительно к трансграничной преступности является наличие высокого уровня социальной аномии. Данное явление характеризует несоответствие между формально заявляемыми общественными целями и одобряемыми средствами их достижения. В результате невозможности их достижения законными средствами, принятой практикой становится совершение правонарушений. Охарактеризовано население пограничья по признаку разнонаправленных мотивов, связанных с отношением к трансграничной преступности. Обоснованы меры, направленные на стимулирование антикриминальной устойчивости граждан и недопущение криминализации части общества, относящейся к населению пограничья.

Ключевые слова: трансграничная преступность, обыватель, пограничное пространство, общественное сознание, социальная аномия, «коллорабационизм» с преступностью.

Постановка проблемы, ее связь с практическими задачами. Тема исследования, вынесенная в заголовок, является достаточно неудобной для любой системы управления государством, поскольку доминирующим её вектором является роль обывателя в системе детерминации трансграничной преступности. А это само по себе заостряет внимание на расхождении между интересами более чем значительной части жителей пограничья (и не только) и политикой государства в сфере обеспечения пограничной безопасности.

Итак, в чём состоит суть проблемы, обозначенной в теме статьи? Всегда в центре трансграничного, как и любого другого преступления, находится человек. Но не всегда причастное к событию преступления лицо само является преступником. Мы видим в СМИ свидетельства опосредованных форм причастности людей к различным видам преступности или же пассивным формам воспрепятствования законной деятельности правоохранительных органов, противодействующих ей. Например, это ливийские моряки, способствующие незаконному перемещению мигрантов, уже тем, что сознательно отвлекают на себя силы, участвующие в операциях FRONTEX. Или же жители западных регионов Украины, с разной степенью активности (иногда просто заблокировав своей техникой автомобили правоохранителей) препятствующие силам порядка в пресечении незаконной добычи или перемещению за рубеж янтаря. Или греческие рыбаки, затрудняющие операции по спасению незаконных мигрантов на море. Иными словами, обыватель далеко не всегда находится по одну сторону баррикад с правоохранительными органами, более того, мы констатируем наличие явления его «коллорабационизма» с преступностью. Это объясняет криминологическое значение затронутой проблемы и обуславливает необходимость исследования и объяснения отношения обывателя к трансграничным правонарушениям.

Анализ последних исследований и публикаций. Характеризуя научный дискурс по указанной теме, следует отметить важный момент. Представители наук уголовно-правового цикла преимущественно не считают эту тему своей, поскольку социальная роль обывателя не поддается уголовно-правовой формализации. А сравнительно низкая

активность публикаций в указанной сфере объясняется тем, что нет данных, достоверно подтверждающих угрожающее изменение масштабов «коллораборционизма» обывателя с трансграничной преступностью. Наиболее значительной для нашего исследования мы считаем работу Игоря Мацкевич, в которой им рассмотрена роль обывателя через призму криминального общественного сознания. Методологически важными для нас являются работы Александра Джужи, Богдана Головкина, Александра Костенко, Алексея Литвинова и Василия Шакуна, которые дают ключ для понимания условно-причинного комплекса преступности, его взаимосвязи с проблемой перекоса между властными решениями и интересами обывателя. Подтолкнула нас к исследованию указанной проблематики работа Nikos Passas, доминирующий акцент в которой сделан на изучении интересов субъектов, вовлечённых в трансграничную преступность.

Цель статьи. Исходя из вышеизложенного, целью данной статьи является выявление роли обывателя в возникновении и развитии криминогенных процессов в пограничном пространстве и обратного влияния на него этих процессов.

Изложение основного материала. Учитывая, что первоосновой любого знания, является определение понятий, оговоримся, что в данном тексте мы подразумеваем *под обывателем обычного жителя, который является типичным представителем большинства в определённой местности, абсолютно безотносительно к любым его индивидуально-личностным качествам.* Т.е. мы в интересах нашего исследования используем сугубо нейтральное понятие, без заведомо негативной или положительной окраски, имеющее разве что указание на отношение субъекта к определённому месту жительства (чаще всего – пограничье). Хотя, объективности ради, заметим, что в последние годы значение этого слова имеет всё же коннотацию, оттеняющую сравнительно невысокий уровень инициативности, кругозора, и, наоборот, высокий уровень инертности обывателя. Наиболее близким по смыслу, хотя и не вполне синонимичным, понятием в нашем случае, является «местное население».

Мы отдаём себе отчёт в том, что выделение субъектности обывателя по отношению к трансграничной преступности является весьма не идеальным с точки зрения криминологии. Ведь даже классификация такой неоднородной общности людей по признаку их положительного (либо отрицательного) воздействия на процессы, связанные с противодействием трансграничной преступности может носить лишь весьма общий, даже умозрительный характер, поскольку слишком разнятся индивидуальные характеристики местного населения и региональные особенности разных участков пограничного пространства. Итак, по признаку отношения к трансграничной преступности местное население пограничья может быть классифицировано на четыре группы в диапазоне от активно содействующих пограничникам в охране государственной границы (ГГ) до правонарушителей (рис. 1).

Представляется вполне логичным, что мотивы правонарушителей и граждан, оказывающих активное содействие в охране государственной границы (сообщества 1 и 4 на рисунке 1), являются разнонаправленными по отношению к совершению правонарушений. Вероятный перечень мотивов участников общественных формирований по охране ГГ может быть очень широким – от интереса к деятельности пограничников до желания быть причастным к социально-значимому делу. На наш взгляд, в этом перечне вполне могут быть и мотивы, связанные с желанием завуалировать истинную цель деятельностью по содействию в охране ГГ. Например, посредством содействия пограничникам, гражданин желает ослабить конкурента в незаконном бизнесе.

Особо интересны нам мотивы индивидов, входящих в сообщества, обозначенные на рисунке 1 номерами 2 и 3. Дело в том, что при всём их различии, мотивационные сферы этих двух групп оказываются схожими, поскольку им сопутствуют одинаковые фрустрирующие факторы. Исходя из результатов проведённого нами опроса граждан – жителей пограничья, речь идёт, прежде всего, о следующих факторах: а) связанных с социально-экономическим положением в регионе проживания и невыгодном сравнении с прилегающим к границе зарубежным регионом (57 %), б) нежелании выполнения

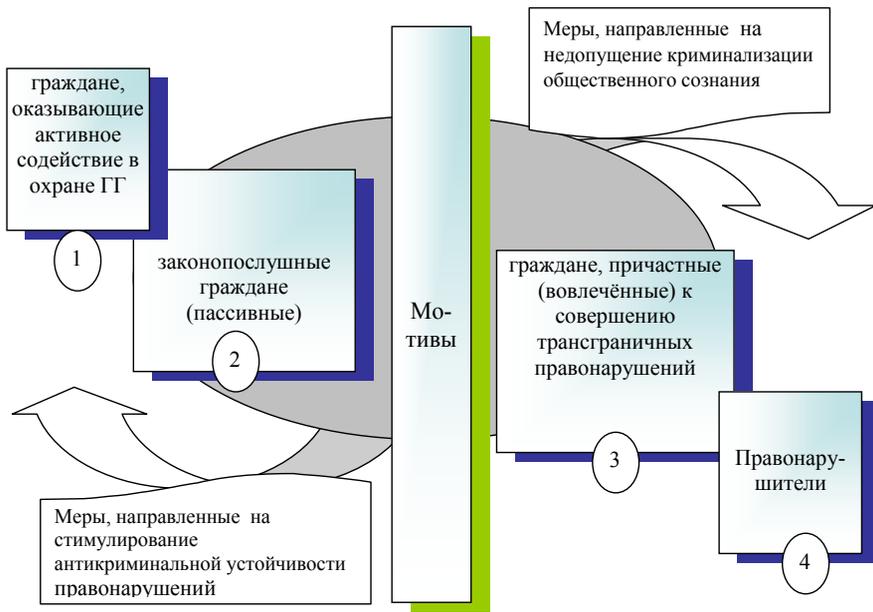

Рис. 1. Структура населения пограничья по отношению к трансграничным правонарушениям

некоторых обязанностей гражданина, считающихся несправедливыми (высокие таможенные пошлины – 52%, воинская служба – 3 %, высокий уровень налогообложения – 29%), в) политическом состоянии дел (21%), г) возможностями пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания (62%), д) возможностями трудоустройства и карьеры (73%), е) возможностью реализации культурных, образовательных потребностей и досуга (31 %), ж) группа факторов материального обеспечения, включающая соотношение уровня расходов к уровню доходов (64 %), з) представление о низком уровне эффективности борьбы с коррупцией и преступностью (59%).

Итак, эти фрустрирующие факторы, как мы полагаем, лежат в основе общественного сознания, влияющего на отношение обывателей (именно так назовём представителей анализируемых сообществ) к формально провозглашаемым в обществе нормам и ценностям, связанным с нетерпимостью к трансграничной преступности, что, на наш взгляд, является признаком социальной аномии. Результаты нашего опроса помогут ответить на один из ключевых вопросов: как соотносится общественное сознание и трансграничная преступность? По трактовке Игоря Мацкевич, общественное сознание – это духовная жизнь общества [1, с. 11]. Оно является ничем иным, как комплексом представлений о добре и зле. Особенность его в том, что оно с одной стороны отражает общественное бытие, а, с другой стороны влияет на него.

Ключевой вопрос здесь: в какой связи общественное сознание обывателя находится с трансграничной преступностью? Ответ на этот вопрос можно искать, снова обратившись ко мнению И. Мацкевич, который писал, что криминальное общественное сознание предполагает специфические антикультурные воззрения индивидуумов, вовлеченных в криминальные отношения, на окружающую действительность, способы и виды выживания в этой действительности [1, с. 13]. Итак, действительность эта существует для обывателя в двух различных измерениях. Первое: действительность, где важна социально-одобряемая правопослушная деятельность. Вторая – реальная действительность его бытия, фрустрирующие факторы которой, или изначальная криминальная направленность в которой побуждают его формировать альтернативную ценностную картину. Эта картина является основой его собственного криминального сознания, которое означает утрату антикриминальной устойчивости. Стимулирующим

глубину вовлеченности в трансграничную преступность фактором, в этом случае, являются сложившиеся обычаи.

Например, кат (*Catha edulis*) запрещён как наркотик во многих странах (США, Саудовская Аравия, Россия). Однако во многих странах (Йемен, Сомали, Эфиопия) его употребление является неотъемлемой частью повседневной жизни. Например, в Йемене его употребляет до 90 % мужчин и до 25 % женщин. Соответственно, в этом государстве в торговлю катом вовлечены десятки тысяч семей, а в его контрабанду в Саудовскую Аравию в провинции Сада на Севере Йемена – тысячи человек. В общественном сознании, разумеется, в этом явлении нет абсолютно ничего предосудительного. Однако в Саудовской Аравии контрабанда ката пресекается жестоко, с применением оружия в отношении контрабандистов. Свою роль играет и то обстоятельство, что Саудовская Аравия поддерживает одну из сторон в вооружённом конфликте в Йемене.

Трансграничная преступность оказывает непосредственное воздействие на новые реалии общественной жизни, в том числе через криминальное общественное сознание, как форму общественного сознания. Например, при проведении белорусской стороной демаркационных работ на украинско-белорусской границе в мае 2016 г., жители вольинского пограничья активно препятствовали этому, ссылаясь на нарушение возможности пользования озером после демаркации. При этом наиболее вероятной причиной этого является заинтересованность местных жителей в продолжении использования воды для незаконной добычи янтаря. Вода, как известно, используется и для гидравлического давления на породу при скважинной добыче и для промывания янтаря. Если посмотреть на карту добычи янтаря, то легко можно увидеть, что подобные конфликты происходят как раз на территории Клесовско-Пержанской и Дубровицко-Володимирецкой янтароносных площадей, расположенных на границе с Беларусью. Именно там янтарь незаконно добывается. Потом его, опять же незаконно, пытаются переместить через границу в Польшу для реализации. Жители пограничья, задействованные в этом процессе, а также их родственники всегда оправдывают криминальный бизнес социально-экономическими факторами (указанными нами выше) и активно препятствуют любым действиям правоохранителей по его пресечению. Это свидетельствует о непосредственном воздействии трансграничной преступности на жизнь обывателя и криминализацию общественного сознания под её воздействием.

Здесь опять вспомним о явлении социальной аномии, когда происходит раздвоение представлений о формальном общественном интересе и о личном благе здесь и сейчас, которое с этим интересом в понимании обывателя не связано. Наиболее опасное её следствие, с нашей точки зрения – «коллорабационизм» обывателя с правонарушителем, как было, например, в сентябре 2017 г. в на автодороге, ведущей к населённому пункту (н.п.) Кучурган Одесской области. Тогда водитель автомобиля Audi A6 с немецкими госномерами сначала не остановился на законное требование пограничников об остановке и создал угрозу здоровью представителей правоохранительных органов, а потом попытался скрыться. Почти 20 местных жителей оказали содействие ему, вступив в конфликт с пограничниками для освобождения автомобиля. Пограничникам пришлось применить устройство для отстрела резиновых пуль.

Общественное сознание обывателя проявляется в общественном мнении. Общественное мнение – это та часть картины информационного пространства, которая в значительной степени формируется средствами массовой информации. Иными словами, общественное мнение, о котором обыватель узнал из средств массовой информации, вполне может коррегировать его личностные установки и деятельность.

Например, при введении Австрией погранконтроля в мае 2016 г. на перевале Бреннер – важном транспортном узле на австро-итальянской границе, жители итальянского пограничья, устроили сначала массовые протестные шествия, а затем и стычки с полицией. Причиной, очевидно, послужило то, что Австрия отгораживается таким образом от потока мигрантов, следующих через Италию, и они будут задерживаться на итальянской стороне. Следует отметить, что многие масс-медиа в тот период не скупив-

лись на сюжеты с нелюбимой характеристикой мигрантов. А учитывая сюжеты о конфликтах мигрантов с местным населением и полицией там, где возникали барьеры на их пути, например, в лагере во французском Кале, или лагере близ н.п. Идомени на греко-македонской границе, местные жители предприняли эти шаги по недопущению такого в их местности [2, с. 7]. Парадокс в данном случае состоит в том, что в отличие от обывателей, по данным криминологии, как правило, не подтверждаются основные страхи, связанные с мигрантами, поддерживаемые общественным мнением [3]. Однако, законы распространения информации таковы, что «читабельность», рейтинг, а в итоге – и востребованность любого информ-ресурса зависит от совокупности, «цепляющих» внимание фактов. Иными словами, СМИ читают, если оно подаёт не картину обыденной реальности, а интересные факты, каковыми бывают данные о преступлениях. И здесь замкнутый круг: обыватель, знакомясь с уже видоизменённой в СМИ информационной картиной, лучше воспринимает и запоминает именно то, что связано с преступностью. А это и формирует его искажённое мнение о реальности.

Любопытен в связи с характерной для социальной аномии двойной моралью случай, иллюстрирующий неизбирательность обывателя в средствах извлечения некоей выгоды в достаточно сомнительных условиях. Речь идёт о факте, когда более 60 женщин из Одесской области в среднем возрасте 60 лет практически одновременно вышли замуж за студентов одесского вуза – выходцев из стран миграционного риска. При этом, получая по 300 долларов за «услугу» невесты, очевидно, понимали, что участвуют в схеме организации фиктивных браков, где наиболее вероятная цель – получение данными студентами вида на жительство, с последующим получением гражданства Украины и дальнейшим убытием в страны ЕС.

Выводы и перспективы исследований. Подытоживая, отметим, что мы акцентировали внимание читателя на ползучей девальвации ценностно-нормативной системы общества, обесценивании социально позитивных стереотипов поведения и сопровождающих этот процесс распространении среди обывателей представлений, допускающих либо оправдывающих нарушения закона. Значимым фактором общественного сознания применительно к трансграничной преступности является наличие высокого уровня социальной аномии. В этих условиях важно проведение мер, направленных на стимулирование антикриминальной устойчивости граждан (относящихся к категории 2 по нашей типологии) и недопущение криминализации общественного сознания граждан (относящихся к категории 3). В противном случае, эти сообщества будут «действующим резервом» для правонарушителей в пограничье. Изложенные соображения мы не рассматриваем как окончательные и совершенные. Они лишь являются приглашением к широкой междисциплинарной дискуссии с целью наработки практических рекомендаций субъектам противодействия трансграничной преступностью и привлечению к этой противодействию максимального круга институтов гражданского общества.

Список литературы

1. Мацкевич И. М. Общественное сознание и преступность. Сборник материалов конференции: Экология и уголовное право: поиск гармонии. Материалы международной научно-практической конференции. Геленджик. 6-9 октября 2011 г. Отв. ред. В. П. Коняхин. Краснодар, 2011. – 610 с.
2. Філіппов С. О. Динаміка та географічні особливості транскордонної злочинності, пов'язаної з незаконним переправленням мігрантів до Європейського Союзу. Вісник Національної академії Державної прикордонної служби України. Серія : Юридичні науки. 2016. – № 1. – С. 14. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vnadpcurn_2016_1_19.
3. Головкін Б. М. Види злочинності. Журнал східноєвропейського права. – 2015. – № 18. – С. 14-21. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://easternlaw.com.ua/wp-content/uploads/2015/08/golovkin_18.pdf.

Статья поступила 23.11.2017 г.

С. О. Філіпнов, канд. психол. наук, доцент, підполковник юстиції
Національна академія Державної прикордонної служби України
Кафедра кримінального права та процесу
вул. Шевченка, 46, Хмельницький, 29003, Україна

ОБИВАТЕЛЬ І ТРАНСКОРДОННА ЗЛОЧИННІСТЬ

Резюме

У статті наведено результати дослідження соціальних умов транскордонної злочинності. Зокрема: показана роль обивателя у виникненні і розвитку криміногенних процесів в прикордонному просторі і зворотний вплив на нього цих процесів; взаємозв'язок кримінальної суспільної свідомості і злочинності; вплив засобів масової інформації на формування громадської думки з приводу транскордонної злочинності.

Зроблено висновки про те, що значущим фактором суспільної свідомості в Україні щодо транскордонної злочинності є наявність високого рівня соціальної аномії. Дане явище характеризує невідповідність між соціальними цілями, що формально схвалюються і засобами їх досягнення, що заявляються у суспільстві. В результаті неможливості їх досягнення законними засобами прийнятою практикою стає вчинення транскордонних правопорушень. Охарактеризовано населення прикордоння за ознакою різноспрямованих мотивів, пов'язаних зі ставленням до транскордонної злочинності. Обґрунтовано заходи, спрямовані на стимулювання антикримінальної стійкості громадян і недопущення криміналізації частини суспільства, що відноситься до населення прикордоння.

Ключові слова: транскордонна злочинність, обиватель, прикордонний простір, суспільна свідомість, соціальна аномія, «колабораціонізм» зі злочинністю.

S. A. Filipov, Ph.D., Associate Professor, Lieutenant Colonel of Justice
National Academy of the State Border Guard Service of Ukraine
the Department of Criminal Law and Process
Shevchenka Str., 46, Khmelnytskyi, 29003, Ukraine

A COMMON MAN AND CROSS-BORDER CRIME

Summary

The results of the study of cross-border crime social conditions are presented in the article. In particular, it has been shown the role of a common man in the emergence and development of criminogenic processes in the border area and the inverse effect of these processes; interrelation of criminal public consciousness and criminality; the influence of mass media on shaping public opinion concerning cross-border crime.

Conclusions have been drawn that a high level of social anomie is a significant factor of public consciousness in Ukraine regarding the cross-border crime. This phenomenon characterizes the discrepancy between the formally declared public goals and the approved means of achieving them. As a result of the impossibility of achieving them by legal means, the accepted practice is to commit cross-border offenses. The community of the borderland population is characterized by multidirectional motives connected to cross-border crime. The measures aimed at stimulating the anti-criminal stability of citizens and preventing the criminalization of the part of the society related to the population of the borderland have been substantiated.

Key words: cross-border crime, common man, border area, public consciousness, social anomie, «collaboration» with crime.